

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 393.05.94, 398.88

ПЕСНОПЕНИЕ «ТРИСВЯТОЕ» В ПОХОРОННЫХ ОБРЯДАХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ (ШОРЦЕВ, ХАКАСОВ, ЧУВАШЕЙ)

Исмагилова Екатерина Игоревна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия). E-mail: zhimul@ngs.ru

Статья посвящена актуальной для современной фольклористики теме функционирования богослужебных песнопений в народно-исполнительской среде. В работе анализируются интонационные трансформации церковного напева, подвергающегося воздействию фольклоризации, также представлен этнографический контекст исполнения песнопения. Трансформации канонического напева приводят к появлению разнообразных мелодических вариантов, а также версий – переинтонирующих и оригинальных. Исследование выполнено на современном материале, зафиксированном в конце XX – начале XXI века.

Ключевые слова: фольклоризация богослужебных текстов, похоронные обряды тюрков Сибири, христианизация сибирских этносов.

THE “TRISVYATOE” SINGING IN THE BURIAL RITES OF TURKIC PEOPLES OF SIBERIA (SHORES, KHAKASS, CHUVASH)

Ismagilova Ekaterina Igorevna, Candidate of Art History, Researcher of Sector of Folklore of Siberian Ethnic Groups, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zhimul@ngs.ru

As a result of Christianization of the peoples of Siberia and Volga regions, some liturgical genres have entered into the folklore traditions of several Turkic Siberian ethnoses (native: Shores, Khakass, Altai, and resettled: Chuvash). The performance of “Trisvyatoe” received certain dissemination in the practice of traditional burial rites of the mentioned ethnoses. Functioning of Orthodox Christian singing in the intonational cultures of Turkic-speaking ethnoses is very little studied for the moment. The present article is dedicated to the consideration of intonational transformations of a canonical song, taking place as a result of its existence in the foreign cultural medium, and also to the characterization of ethnographical context of the performance of Orthodox Christian songs. The burial rites of many peoples of Siberia have been significantly transformed under the influence of Christianity. The means of burial was changed: a funeral in the coffin, with singing of some prayers has propagated. In the traditional Siberian Chuvash culture also the Russian funeral-commemorative rites are reproduced. The material for musicological analysis were 16 folklorized samples of songs, performed in the Church Slavic language and in the native languages of tradition bearers. The majority of samples considered by us (12) were represented by themselves the variants of performances of the four-voice funeral song score; melodic pattern of the other four songs is very different from that, which allows to determine these samples as traditional versions of the songs. Upon consideration of the variants and versions of singing recorded from the representatives of different Turkic peoples, no distinctly pronounced indications of national specifics, characteristic of the intonational cultures of each of these ethnoses, were found. Because of that, through the principle of placement of the folklorized samples of songs in the table, based on the extent of their

remoteness from the written canonical original song source, the intonational analysis was chosen. The song with the bass voice in all the variants is subjected to significant melodization. The most affected by transformations is the melody line of the final segment of song. The functional harmonic logic of the bass voice movement does not find response in the consciousness of the performers, and thus it is very rarely reproduced by them. The versions of songs distinctly different from the liturgical ones are more individualized and, therefore, are considered more thoroughly. A syllabic-rhythmical organization of the folklorized samples of “Trisvyatoe” was also analyzed. A peculiar layer of assimilated Orthodox Christian songs in the intonational cultures of Turkic peoples of Siberia at the present time is close to disappearance. However, this phenomenon needs to be studied because, based on its example, it is possible to trace the regularities of action of the folklore traditions.

Keywords: folklorization of liturgical texts, burial rites of Turkic peoples of Siberia, Christianization of Siberian ethnoses.

В результате христианизации народов Сибири и Поволжья, проводимой православными миссионерами преимущественно во второй половине XIX – начале XX века, в фольклорные традиции некоторых тюркских сибирских этносов (коренных – шорцев, хакасов, алтайцев и переселенческих – чувашей) проникли отдельные православные песнопения. Среди них наиболее известные и часто употребляемые молитвы, такие как «Отче наш», «Трисвятное», «Богородице Дево», пасхальные песнопения, рождественский тропарь и т. п. Исполнение «Трисвятого» получило определенное распространение в практике народных похоронных обрядов перечисленных христианизированных этносов.

Необходимо отметить, что тема бытования православных песнопений в процессе совершения «мирских молений по умершим» (термин Н. Ю. Данченковой) уже неоднократно затрагивалась в современной фольклористической литературе. Исследования функционирования богослужебных жанров в народно-исполнительской среде, особенностей воспроизведения вербальной и музыкальной основ канонических текстов базировались, как правило, на материале, записанном от русского населения европейской части России и Сибири [4; 6; 10; 12]. Подобное явление, существующее, хотя и в значительно меньших масштабах, в традициях отдельных тюркоязычных этносов, на данный момент изучено значительно меньше. В настоящей работе предпринимается попытка частично заполнить этот пробел: статья посвящена рассмотрению интонационных трансформаций канонического по происхождению напева, происходящих в результате его бытования в инокультурной для него среде, а также характеристике этнографического контекста исполнения православных песнопений.

Условия бытования песнопения в народно-исполнительской среде

Известно, что похоронные обряды многих народов Сибири значительно трансформировались под влиянием христианства. Это проявилось прежде всего в изменении способа захоронения: на смену воздушному и другим традиционным способам погребения приходит захоронение в земле, в гробу, с крестом, в отдельных случаях для отпевания покойника на кладбище приглашали священника. «Христианство, особенно с середины XIX века очень заметно воздействовало на эту сторону жизни алтайцев, как свидетельствуют этнографические источники и наши полевые наблюдения, погребальный обряд по христианским предписаниям был распространен среди алтайцев повсеместно. Умерших крещеных алтайцев хоронили почти без каких-либо отклонений от общепринятых православных норм» [13, с. 101]⁶. Подобная информация существует о шорцах [5, с. 57] (известна даже дата первого отпевания, совершенного в «Кузнецком крае» – 15 декабря 1858 года) и хакасах [16, с. 186]. При этом в отдельных случаях во время совершения похоронного обряда сохраняются элементы дохристианской обрядовой практики – зажигание костра около могилы, бросание в него жертвенной еды и т. п., что свидетельствует о синкретичных представлениях о смерти и связанных с ней похоронных ритуалах у ряда сибирских этносов.

О существовании подобных форм похоронных обрядов, включающих пение молитв и ритуальные действия, восходящие к дошаманистским культам, свидетельствуют и современные полевые материалы. В качестве примера приведем

⁶ Об этом также пишет Н. О. Тадышева в своей монографии [14, с. 137–141].

описание похорон в поселке Малый Монок Бейского района республики Хакасия, выполненное участниками экспедиции Новосибирской консерватории в октябре 1998 года⁷. В проведении обряда можно выделить два этапа, проходящие в помещении и на кладбище после погребения⁸. В доме, перед выносом гроба все присутствующие (жители поселка, родственники умершего, прибывшие из окрестных мест) пели, многократно повторяя, краткие православные песнопения («Трисвятое», «Слава Тебе Боже»), стоя, обратившись лицом к иконам, крестясь в паузах между пением. Запевали, очевидно, наиболее опытные и знающие исполнительницы – пожилые женщины-хакаски. Затем, во время выноса, во дворе звучал традиционный плач-*сыыт*. На кладбище после погребения был сооружен костер из жердей, на которых несли гроб. В костер бросали жертвенную еду, кости от мяса, что-то при этом приговаривая, видимо, обращаясь к умершему. Далее повторилось пение молитв, завершившееся песнопением «Вечная память», после чего была устроена ритуальная поминальная трапеза.

Похоронно-поминальные обряды чувашей также изменились под воздействием христианства. По всей вероятности, это произошло еще на материковой территории проживания этноса – в Поволжье, до времени массового переселения чувашей в Сибирь в первых десятилетиях XX века [9, с. 122–124]. В настоящее время в известных нам локальных традициях сибирских чувашей (Новосибирская, Омская, Кемеровская, Томская области, Красноярский край) практически точно воспроизводятся русские похоронно-поминальные ритуалы [9, с. 142; 7, с. 258]⁹.

⁷ Информация о проведениях подобных похоронных обрядов была также зафиксирована автором настоящей статьи в Орджоникидзевском районе Республики Хакасия (д. Сарала, 2005 года). Сведения об исполнении православных песнопений во время похорон у шорцев также содержатся в публикации, посвященной анализу результатов полевой работы [2]. Материалы экспедиций хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки.

⁸ Здесь и далее мы опираемся на информацию из полевого дневника участницы экспедиции Н. М. Скворцовой.

⁹ Автор опирается также на полевые материалы, записанные в 2002–2013 годах преподавателями и сту-

дентами Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки и сотрудниками Института филологии СО РАН.

«Трисвятое» – одно из самых часто исполняемых православных песнопений – обязательно звучит практически на всех службах и является незаменимым для совершения похоронного обряда (за исключением пасхального периода, в течение которого вместо этого песнопения поется тропарь «Христос воскрес»). Песнопение легко остается в памяти благодаря своей краткости, словесной повторности (трижды повторяется слово «Святой» – «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас»), структурной и смысловой ясности. Важной предпосылкой для запоминания текста служат то обстоятельство, что в пении молитвы могут участвовать все присутствующие на похоронах.

В чине отпевания за этим песнопением закреплен так называемый «погребальный» или «надгробный» напев. В современной богослужбной практике используется многоголосный вариант «Трисвятого», сложившийся в течение последних трех веков (см. рис. 1)¹⁰.

Материалом для музыковедческого анализа послужили 16 фольклоризованных образцов песнопения, исполняемых на церковно-славянском языке и на родных языках носителей традиций – шорском, хакасском, чувашском¹¹. Большинство рассмотренных нами образцов (12) представляют собой варианты¹² басового или альтового голоса четырехголосной партитуры погребального напева; мелодика четырех напевов значительно от него отличается, что позволяет определить эти образцы как народные версии песнопения¹³. При рассмотрении вариантов и версий песнопения, зафиксированных от представителей различных

дентами Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки и сотрудниками Института филологии СО РАН.

¹⁰ Опубликовано в [3, с. 44].

¹¹ Особенности воспроизведения словесных текстов фольклоризованных песнопений подробно описаны нами в более ранней публикации [8].

¹² Под термином «вариант» мы понимаем «текст произведения, возникший в процессе его живого бытования в устной или письменной традиции и отличающийся от других текстов этого произведения, возникших тем же путем» [1, с. 62].

¹³ «Версией» в нашем понимании является разновидность произведения, содержащая качественные преобразования, не приводящие при этом к трансформации в другое, новое произведение.

тюркских народов, не было обнаружено ярко выраженных проявлений национальной специфики, характерной для интонационных культур каждого из этих этносов. Поэтому для интонационного анализа был избран сквозной принцип расположения фольклоризованных образцов песнопения в таблице по степени их удаления от письменного первоисточника песнопения¹⁴.

Рисунок 1. Многоголосный вариант напева «Трисвятое», используемый в современной богослужебной практике

Мелодические варианты песнопения.

Сравнение вариантов «Трисвятого», бытующих в народно-исполнительской среде, с их письменным каноническим первоисточником показало, что напев бывшего басового голоса во всех образцах в той или иной степени мелодизируется. При этом снижается роль квартовой интонации и выдвигается на первый план интонация малой терции с заполнением. Преобладающими становятся поступенное движение, заполнение скачков либо их отсутствие, интонации опевания опорного тона. Мелодическая линия начальных сегментов становится замкнутой, завершаясь на основном тоне (звук *a*').

Обращает на себя внимание также появление синтеза интонаций из разных, чаще всего крайних голосов хоральной фактуры богослужебного первоисточника. Вследствие мелодизации бывшего басового голоса включение интонаций верхних голосов осуществляется вполне естественно и органично. При этом в суммировании фактуры можно проследить связь со структурой напева: в начальных сегментах, как правило, более отчетливо слышна опора на басовый голос, затем в процессе развития мелодии постепенно происходит переключение на интонации альтовой и сопрановой партий. Заметим также, что более всего подвержена трансформациям мелодическая линия именно заключительного сегмента напева.

¹⁴ Для удобства анализа образцы «Трисвятого» были транспонированы и записаны от звука *a*.

Вероятно, функциональная гармоническая логика движения басового голоса не находит отклика в сознании исполнителей и поэтому практически никогда ими не воспроизводится. Данное обстоятельство способствует значительному переосмыслению церковного напева, можно сказать, что каденционная зона представляет собой простор для творчества исполнителей.

Версии напева «Трисвятое».

Описанные модификации церковного напева, отражая многообразие вариантов преломления их в народно-певческой практике, как правило, не приводят к качественному переосмыслению канонического первоисточника либо к отказу от него. В более редких случаях церковный напев трансформируется более радикально или же текст молитвы звучит с напевами самостоятельного, чаще всего, фольклорного происхождения. Это свидетельствует о формировании различных мелодических версий песнопения. Обнаруженные нами версии можно разделить на две группы по признаку частичного присутствия или полного отсутствия интонаций богослужебного первоисточника. Версии первой группы можно обозначить как переинтонирующие, версии второй – как оригинальные (по два образца в каждой группе). Далее остановимся подробнее на каждой версии.

Переинтонирующая хакасская версия.

Мелодическая линия «Трисвятого», звучащего во время описанного выше похоронного обряда значительно отличается от канонического напева (см. рис. 2)¹⁵.

¹⁵ Записано в октябре 1998 года Н. М. Скворцовой, Л. С. Астанаевой в с. Малый Монок Бейского района Республики Хакасия (во время проведения похоронного обряда) от группы жителей этого села. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории (АТМ НГК), коллекция А 137.

Рисунок 2. Переинтонирующая хакасская версия напева «Трисвятное»

Интонационному наполнению этой версии свойственны каденционная однозначность, выпрямленность квартовых и замкнутость малотерцовых интонаций, подчеркнутая опеванием с VII# ступенью, далее в процессе коллективного пения вместо нее появляется VII натуральная ступень. Секстовый скачок в заключительной фразе суммирует квартовую и терцовую интонации начальных строк¹⁶.

Можно заметить, что рассмотренная здесь мелодическая линия опирается на закономерности гармонической логики. Вероятно, этот напев очень опосредованно связан с каноническим первоисточником, как бы вырастает из него, значительно его переинтонируя (рудименты церковного напева проявляются в интонациях восходящей кварты и поступенного движения в объеме терции). Интонационный состав этого образца песнопения позволяет отнести его к переинтонирующим версиям.

Переинтонирующая чувашская версия.

В чувашской версии квартовая интонация $g'-c''\uparrow$, заложенная в мелодике богослужебного образца, получает совершенно иную реализацию с утверждением опоры на своем нижнем тоне, восходящая малотерцовая интонация в этом случае отсутствует (см. рис. 3)¹⁷. На протяжении

¹⁶ В этом образце реально звучит разноголосие, при этом хорошо прослушивается голос, вступающий на одну восьмую позже и на полтона выше основной мелодической линии.

¹⁷ Записано 11.06.2005 Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Сидоровка Кольванского района Новосибирской области от К. П. Акимовой (Федотовой), 1926 года рождения (чувашка, в 1936 года приехала из Уфы). Место хранения: архив Е. И. Жимулевой. В оригинале напев звучит от *as*.

всего песнопения последовательно утверждается опора g' , таким образом мелодическая линия заканчивается на секунду ниже основного тона. Возможно, в настоящем напеве таким образом проявляется творческое начало исполнительницы – авторитетной носительницы фольклорной традиции, по-видимому, нетвердо помнящей мелодию песнопения и сочинившей свое завершение. Этот образец также можно оценить как переинтонирующую версию, отталкивающуюся от церковного напева и трансформирующую его.

Оригинальная хакасская версия. Мелодика напева «Трисвятное», записанного от жительницы деревни Когаево Орджоникидзевского района Республики Хакасия, пожалуй, перешла грань, отделяющую очень свободную интерпретацию церковного напева от самостоятельной мелодии, приближаясь при этом к последней (см. рис. 4)¹⁸. С каноническим напевом этот образец связывает лишь вариантная повторность первой и второй строк, возникающая, кроме того, как следствие вербальной повторности. Напев развивается в диапазоне малой сексты ($a'-f''\uparrow$), этот интервал появляется в самом начале как скачок с последующим заполнением. Интонация сексты с частичным, а затем и полным заполнением нисходящим поступенным движением (в третьей строке), лежит в основе всего описываемого напева.

¹⁸ Записано 16.08.2005 Н. М. Скворцовой, Е. И. Жимулевой в пос. Когаево Орджоникидзевского района Республики Хакасия от Ф. Е. Гашковой (Аргудаевой), 1929 года рождения (хакасска, Хызыл, род. в д. Ошколь Ширинского района Республики Хакасия). Место хранения: АТМ НГК, А 0218. В оригинале напев звучит от *cis*.

Свя - тый Бо - же, Свя - тый Кре - пкий,
Свя - тый Бес - сме - ртный, по - ми - луй нас.

Рисунок 3. Переинтонирующая чувашская версия напева «Трисвятое»

Све - тий Бо - жи - нька, Све - тий Кре - пий,
Све - тий Бес - сме - ртны - я, по - мя - ни нас.

Рисунок 4. Оригинальная хакасская версия напева «Трисвятое»

Вероятно, в данном случае рождается самостоятельная – оригинальная версия песнопения, по своему интонационному наполнению весьма близкая русской лирической песне поздней традиции. Эта версия родилась в результате творческой фантазии носительницы традиции и, возможно, не очень хорошей сохранности в ее памяти канонического напева. Основанием для суждения об этом напеве именно как о версии (а не импровизации) является троекратный, практически неизменный повтор этого песнопения. Показательно, что словесный ряд описываемого образца также претерпевает достаточно ощутимые изменения.

Оригинальная шорская версия. Следующий образец, поющийся на родном языке носительницы традиции, ничего общего не имеет с каноническим первоисточником. Это распевная мелодия в пентатонном ладу, начинающаяся с вершины-источника. В каденции (первая половина третьей строки отсутствует) появляется интонация кварты, отдаленно напоминающая церковный напев. Влияние напева «Трисвятое» прослежива-

ется лишь в мелодической повторности первого и второго сегментов (см. рис. 5)¹⁹.

Можно предположить, что на формирование этой мелодии оказала влияние шорская народно-песенная культура, в частности, интонационные особенности лирической песни *сарын* (широкий диапазон, преобладание в напевах нисходящего движения и т. п.) [11, с. 296] или же это продукт сугубо личного творчества исполнительницы. Показательна зависимость от языка, на котором звучит песнопение: эта же носительница традиции пела «Трисвятое» на церковно-славянском языке с минимальными отклонениями от богослужебного напева, исполняющееся же следом за ним песнопение на шорском языке звучит с полностью самостоятельной мелодией.

¹⁹ Записано 11.07.2001 экспедицией НГК (руководитель Г. Б. Сыченко) в с. Нижний Матур Таштыгского района Республики Хакасия от М. Н. Кызынгашевой, 1923 года рождения (мать – русская, отец – хакасский шорец). Место хранения: АТМ НГК, А 181. В оригинале напев звучит от *d'*.

Рисунок 5. Оригинальная шорская версия напева «Трисвятое»

Слогоритмическая организация фольклоризованных образцов «Трисвятого». Для анализа ритмики песнопений была составлена таблица, содержащая слогоритмические схемы богослужебного и фольклоризованных образцов песнопения, записанных цифрами, указывающих продолжительность звучания каждой слоги ноты (см. табл. 1)²⁰. Единицей измерения служили четверти или восьмые, в зависимости от того, какая счетная единица преобладает в отдельном образце²¹. В образцах на национальных языках для более корректного анализа слогоритма вписаны тексты песнопения. Временная организация вариантов и версий песнопения сравнивалась с письменным богослужебным вариантом на церковнославянском языке.

На фоне ряда частных изменений, присутствующих в слогоритмических схемах фольклоризованных образцов, можно выделить несколько общих закономерностей ритмических трансформаций первоисточника (см. табл. 1). Прежде всего, в большинстве образцов прослеживается тенденция к большей выровненности слогоритма (особенно в чувашских и хакасских вариантах),

четности ритмических рисунков, что вместе с более подвижным темпом интонирования можно рассматривать как проявление закономерностей двигательной динамики. Особенно ярко моноритмичность проявилась в первой из хакасских версий, зафиксированной во время погребального шествия; возможно, это обстоятельство исполнения повлияло на характер пения молитвы.

В русскоязычных образцах заметно ритмическое подчеркивание (продление) ударного слога в слове «бессмертный». Закономерность продления ударного слога проявляется и в текстах на других языках: так, например, в чувашских образцах (ФВт 7, 10–13) ударных слог в слове «святой» звучит дольше, чем это отражено в письменном первоисточнике, отличающемся моноритмичностью первых двух строк. Произнесение слова «бессмертный» с подчеркиванием ударного слога наложило свой отпечаток на звучание его аналога на чувашском языке («вилемсёр»): несмотря на то, что ударение в этом слове приходится на первый слог, ритмически выделяется либо второй слог (как в слове «бессмертный»), либо третий.

Таблица 1

Слогоритмические схемы богослужебного и фольклоризованных образцов песнопения

Текст	Свя-тый Бо-же,	Свя-тый Крепкий,	Святой Бессмертный, помилуй нас.
ПБВт	2 2 4 2	2 2 4 2	2 2 1 1 1 2 2 2
ФВт 1	2 2 4 2	2 3 4 2	2 2 1 2 1 1 2 2 2
ФВт 2	2 2 2 2	2 2 2 2	2 2 1 1 1 1 1 2 2
ФВт 3	2 2 2 2	2 2 2 2	2 2 1 1 2 2 2 2 2
ФВт 4	2 2 2 2	2 2 2 2	2 2 1 2 1 1 2 2 4

²⁰ Условные сокращения, применяемые в таблице: ПБВт – письменный богослужебный вариант, ФВт – фольклоризованный вариант, ФВс – фольклорная версия песнопения.

²¹ Измененная по сравнению с письменным первоисточником продолжительность слоги ноты записана жирным шрифтом; слоги ноты, появившиеся в результате возникновения новых слогов, выделены курсивом. В случаях отсутствия нормативных слогов текста представлены точки. Паузы, продолжительность которых суммирована с длительностью предшествующего звука, указаны знаком «˘».

Окончание таблицы 1

Текст Название/номер образца	Свя-тый Бо-же,	Свя-тый Крепкий,	Свя-тый Бессмертный, помилуй нас.
ФВт 5	1 1 2 2 2 Аг-арыг Кудай,	1 1 4 2 Аг-А-рыг Күш,	1 1 2 2 2˘ 1 2 1 1 4 Аг-А-рыг Ольбес, пистиц хайрала.
ФВт 6	2 2 2 2	2 2 2 2	2 3 1 3 1 1 2 2 4˘
ФВт 7 ²²	—	2 4 2 2 Свя-той Хва-тла,	2 3 1 2 2˘ 2 3 1 2 1 4˘ Свя-той Вилемсёр, Свя- той, сырлах пи-ре.
ФВт 8	1 1 2 2 2 Аг-арыг Ку-дай,	1 1 2 2 2 Аг-арыг Э-стен,	1 1 2 2 2 2 2 2 Аг-арыг Ольбес, те-скен я-сен.
ФВт 9	1 1 2 2 3 Аг-арыг Кудай,	1 1 4 2 Аг-а-рыг Күш,	1 1 2 2 2˘ 1 2 1 1 4 Аг-а-рыг Ольбес, пистиц хайрала.
ФВт 10	2 3 2 2˘	2 3 2 2˘	2 2 1 2 1 1 2 2 4
ФВт 11	2 4 2 4 Светтуй Ту-ра,	2 3 2 2 Светтуй Хватла,	2 4 1 1 2 1 2 2 4 Све-ттуй Ви- ле-мсёр, сырлах пи-ре.
ФВт 12	2 2 2 2 Светтуй Ту-ра,	2 2 2 2 Светтуй Хватла,	2 4 1 1 2 1 2 2 4 Све-ттуй Ви- ле-мсёр, сырлах пи-ре.
ФВс 13	2 4 2 3˘	2 4 2 3˘	2 3 1 2 1 1 2 2 4
ФВс 14	2 2 2 4	2 2 2 4	2 2 1 1 2˘ 2 2 2 2
ФВс 14а	1 1 2 2 2 Аг-арыг Ку-дай,	1 1 2 2 2 Аг-арыг Э-стен,	1 1 2 2 2 2 2 2 Аг-арыг Ольбес, тескен я-сен.
ФВс 15	2 2 2 1 2 Свя-тый Бо-жинь- ка,	2 2 2 2 Свя-тый Кре-п-кай,	2 1 1 2 1 1 1 1 2 4 Свя-тый Бессмер- т-ный, по-мя-ни нас.
ФВс 16	2 2 2 2 4 А-га-рок Ку-дай,	2 2 4 4 А-га-рок куш,	— 1 3 2 2 4 — пе-стей хай-ра – ла.

В песнопениях, звучащих на языках сибирских народов, за счет большего количества слогов в первом слове («Аг-Арыг» вместо «Свя-тый»)

²² Первая строка пропущена исполнительницей.

происходит дробление первой доли; эта особенность свидетельствует о зависимости ритмической организации песнопения от языка, на котором оно исполняется.

Временная организация оригинальных версий «Трисвятого» более индивидуализирована, в основном это происходит за счет текстовых преобразований (особенно в ФВс 15), влекущих за собой изменение слогоритмического рисунка. Но и в этих, наиболее отошедших от первоисточника образцах, можно обнаружить действие уже выявленных закономерностей: тяготение к моноритмичности (особенно в первой и второй строках) и ритмическое подчеркивание ударных слогов. В целом же в слогоритмических структурах фольклоризованных вариантов достаточно ясно прослеживается связь со слогоритмом канонического первоисточника.

Можно заметить, что звучание песнопений на родных языках носителей традиции приводит к некоторому разнообразию ритмических рисунков и соответственно слогоритмических схем, хотя в целом слогоритмическая логика первоисточников сохраняется. В целом же, мелодика трансформируется в большей степени, чем ритмический рисунок, поскольку ритм (слогоритм) тесно связан с вербальным текстом, играющим важную конструктивную роль в напеве. В степени трансформации напева достаточно четко прослеживается зависимость от языка, на котором исполняется песнопение. Как правило, больше отклонений от первоисточников появляется в образцах, поющих на родных языках носителей традиции. Показательно также, что песнопения, звучащие на чувашском, хакасском, шорском языках, лучше сохраняются в памяти исполнителей, легче воспроизводятся и уверенней воспроизводятся.

В заключение отметим, что в настоящее время мы, к сожалению, располагаем весьма ограниченным числом звукозаписей этих ассимилированных жанров, поскольку подобные образцы фиксировались собирателями очень редко. Причинами здесь послужили не только общая атеистическая идеология в XX веке, но и установка исследователей, направленная исключительно на сбор произведений, являющихся традиционными для какой-либо интонационной культуры. При этом заимствованные жанры, находясь на периферии фольклорной традиции, как прави-

ло, обходились вниманием собирателей. Запись фольклоризованных песнопений среди тюркских этносов Сибири начала осуществляться лишь в конце 1990-х – 2000-е годы. В настоящее время стремительно уходит из жизни поколение людей, находящихся еще в состоянии воспроизвести эти песнопения. Передача их более молодому поколению происходит крайне редко. Очевидно, этот своеобразный пласт ассимилированных произве-

дений, функционирующих в инокультурной и иноэтнической для них среде, в наше время близок к исчезновению. Тем самым усиливается важность фиксации этого еще бытующего своеобразного явления – фольклоризованных православных. На примерах интонационных трансформаций, происходящих с заимствованными произведениями, можно проследить закономерности действия народного музыкального мышления.

Литература

1. Азбелев С. Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора / отв. ред. Б. Н. Путилов. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 260–302.
2. Андреева О. И., Белоусова Л. Ю., Сыченко Г. Б. Итоги экспедиционной работы в районе хакасско-шорского пограничья // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей / отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 69–72.
3. Божественная литургия. – М., 1997. – Ч. 1: Литургия оглашенных. Для малого смешанного хора.
4. Данченкова Н. Ю. Деревенский обычай «ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика: сб. ст. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. – С. 173–225.
5. Ерошов В. В., Кимеев В. М. Тропую миссионеров Алтайской Духовной Миссии в Кузнецком крае. – Кемерово, 1995. – 132 с.
6. Жимулева Е. И. Православные песнопения в народных похоронно-поминальных обрядах // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 4. – С. 138–142.
7. Жимулева Е. И., Леонова Н. В. Фольклорные традиции чувашей Красноярского края: результаты экспедиции 2009 года // Народная культура Сибири: мат-лы XVIII науч. семинара-симп. Сибир. регион. вузов. центра по фольклору. – Омск: Амфора, 2009. – С. 256–261.
8. Исмагилова Е. И. Трансформации вербальных текстов фольклоризованных православных песнопений (на материале традиций Сибирского региона) // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 40–47.
9. Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и культурная адаптация). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 272 с.
10. Леонова Н. В. Похоронные и поминальные причитания // Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 325–331. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 22).
11. Назаренко Р. Б. Шорцы // Музыкальная культура Сибири: в 3 т. – Новосибирск: Новосибир. Гос. консерватория, 1997. – Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири, кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. – С. 284–300.
12. Похабов В. Ф. Культурное наследие русских Кузбасса (семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области). – М.: Ред. журн. «Самообразование и МФ “Семигор”», 2000. – 264 с.
13. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – 240 с.
14. Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Гор.-Алт. тип., 2011. – 168 с.
15. Чуваша: история и культура/ отв. ред. В. П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – Т. 2. – 335 с.
16. Шибаева Ю. А. Влияние христианизации на религиозные верования хакасов (религиозный синкретизм хакасов) // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). – Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1979. – С. 186–196.

References

1. Azbelev S.N. Osnovnye ponyatiya tekstologii v primeneniі k fol'klornomu materialu [Basic concepts of textual applied to folklore materials]. *Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora. Otv. red. B.N. Putilov* [Principles of textual study of folklore. Exec. Ed. B.N. Putilov]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 260–302. (In Russ.).

2. Andreeva O.I., Belousova L.Y., Sychenko G.B. Itogi ekspeditsionnoy raboty v rayone khakassko-shorskogo pogranich'ya [Results of expeditionary operations in the area Khakass-Shor Borderland]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: nauchnye poiski molodyh issledovateley. Otv. red. T.G. Leonova [Folk culture of Siberia: the scientific quest for young researchers. Exec. Ed. T.G. Leonov].* Omsk, OmGPU Publ., 2001, pp. 69–72. (In Russ.).
3. Bozhestvennaya liturgiya. Chast' 1: Liturgiya oglashennyh. Dlya malogo smeshannogo hora [Divine Liturgy. Part 1: The Liturgy of the Catechumens. For small mixed choir]. Moscow, 1997. (In Russ.).
4. Danchenkova N.Yu. Derevenskiy obychay "hodit' po pokoyniku". Mirskaya pravoslavnaya traditsiya moleniy ob umershikh (Vladimirskaya oblast') [Village custom of "walking on the dead." Worldly Orthodox tradition of prayer for the dead (Vladimir region)]. *Religioznyy opyt narodnoy kul'tury. Obrazy. Obychai. Khudozhestvennaya praktika. Sbornik statey [Religious experience of popular culture. Images. Customs. Artistic Practice: Proc.]*. Moscow, Gos. institut iskusstvoznaniya Publ., 2003, pp. 173–225. (In Russ.).
5. Eroshov V.V., Kimeev V.M. Tropoyu missionerov Altayskoy Duhovnoy Missii v Kuznetskom krae [By the Path of Altai Spiritual Missionaries in Kuznetsk region]. Kemerovo, 1995. 132 p. (In Russ.).
6. Zhimuleva E.I. Pravoslavnye pesnopeniya v narodnykh pokhoronno-pominal'nykh obryadakh [Orthodox chants folk funeral and memorial rites]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2008, no 4, pp. 138–142. (In Russ.).
7. Zhimuleva E.I., Leonova N.V. Fol'klornye traditsii chuvashy Krasnoyarskogo kraya: rezul'taty ekspeditsii 2009 goda [Chuvash folk traditions Krasnoyarsk region: results of the expedition 2009]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy XVIII nauchnogo seminara-simpoziuma Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru [Folk culture of Siberia: Proceedings of the scientific seminar XVIII symposium Siberian regional academic center of Folklore]*. Omsk, Amfora Publ., 2009, pp. 256–261. (In Russ.).
8. Ismagilova E.I. Transformatsii verbal'nykh tekstov fol'klorizovannykh pravoslavnykh pesnopeniy (na materiale traditsiy Sibirskogo regiona) [Transformation of verbal texts of folklorized Orthodox Chants (based on the traditions of the Siberian region)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2013, no 2, pp. 40–47. (In Russ.).
9. Korovushkin D.G., Lotkin I.V., Smirnova T.B. Neslavyanskije etnodispersnye gruppy v Zapadnoy Sibiri (formirovanie i kul'turnaya adaptatsiya) [Ethnodispersed non-Slavic groups in Western Siberia (the formation and cultural adaptation)]. Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2003. 272 p. (In Russ.).
10. Leonova N.V. Pokhoronnye i pominal'nye prichitaniya [Funerals and memorial lamentations]. *russkiy semeyno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Svadebnaya poeziya. Pokhoronnaya prichet'. Sost. R.P. Potanina, N.V. Leonova, L.E. Fetisova [Russian family ritual folklore of Siberia and the Far East: Wedding poetry. Funeral prichet. Comp. R.P. Potanina, N.V. Leonova, L.E. Fetisova]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, pp. 325–331. (In Russ.).
11. Nazarenko R.B. Shorcy [Shors]. *Muzykal'naya kul'tura Sibiri. Tom 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri. Kniga 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Musical Culture of Siberia. Volume 1: The traditional musical culture of the peoples of Siberia. Book 1: Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Novosibirskaya gosudarstvennaya konservatoriya Publ., 1997, pp. 284–300. (In Russ.).
12. Pokhabov V.F. Kul'turnoe nasledie russkikh Kuzbassa (semeyno-obryadovyy fol'klor severo-vostoka Kemerovskoy oblasti) [Russian Cultural heritage of Kuzbass (family and ritual folklore on the North-east of Kemerovo region)]. Moscow, Semigor Publ., 2000. 264 p.
13. Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniya) [Family rites of peoples of Siberia (the experience of a comparative study)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 240 p. (In Russ.).
14. Tadysheva N.O. Vliyanie khristianizatsii na semeynyu obryadnost' korennykh naseleniya Gornogo Altaya [Effect of Christianization on family rituals of the indigenous population of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya tipografiya Publ., 2011. 168 p. (In Russ.).
15. Chuvashi: istoriya i kul'tura. Otv. red. V.P. Ivanov [Chuvash history and culture. Ed. V. P. Ivanov]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2009, vol. 2. 335 p. (In Russ.).
16. Shibaeva Yu.A. Vliyanie khristianizatsii na religioznye verovaniya khakasov (religioznyy sinkretizm khakasov) [Influence of Christianization on religious beliefs of the Khakas (religious syncretism Khakas)]. *Khristianstvo i lamaizm u korennykh naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Christianity and Lamaism of indigenous population of Siberia (the second half of XIX – early XX centuries)]*. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie, 1979, pp. 186–196. (In Russ.).